

Оглавление

Предисловие	7
Глава I. Человек	11
Глава II. Эпоха	45
Глава III. Кобден как полемист	69
Глава IV. Пределы вмешательства	99
Глава V. Доводы против войны	125
Глава VI. Мир и разрешение конфликтов	143
Глава VII. Бремя вооружений	165
Глава VIII. Международное морское право	181
Глава IX. Колонизация и империя	201
I. Колонизация	201
II. Империализм	212
Глава X. Восточный вопрос	231
Глава XI. Друг Америки	253
Глава XII. Механизм внешней политики	273
Глава XIII. Кобден и наше время	309
I. Кобден был прав	309
Глава XIV. Кобден и наше время — продолжение	339
II. Европа или империя — что выбрать?	339
Эпилог	377
П. Г. Мижуев. Ричард Кобден	
I. Европа во время Наполеоновских войн. Детство и юность Ричарда Кобдена	379
II. По Англии с товаром	383
III. Заботы о самообразовании молодого и богатого фабриканта. Заботы об образовании рабочих на фабрике. В Швейцарии	386

IV. Первые литературные труды Р. Кобдена. Проповедь мирного развития всех производительных сил страны вместо постоянных вооружений и военного вмешательства в распри континентальных государств	389
<i>Что такое английский парламент</i>	390
V. Возникновение знаменитой Лиги против хлебных законов	398
VI. Деятельность Лиги до 1845 года — одно из величайших общественных движений новейших времен	405
VII. Роковая осень 1845 г. Голод в Ирландии и отмена хлебных законов	410
VIII. Кобден и Брайт во время Крымской войны. Торговый трактат с Францией. Смерть Кобдена	414
Указатель	420

Предисловие

Эта книга — дань уважения великому англичанину; я надеюсь, она поможет пролить свет на некоторые сложные проблемы, стоящие сейчас перед британским государственным руководством в области международных отношений и внешней политики. Критикуя в Палате общин законопроект Гладстона о парламентской реформе, Дизраэли сказал: «Ни одну проблему невозможно решить, пребывая в неведении. Вопросы следует решать с помощью знания, и продвижению законопроекта мешает отнюдь не противодействие оппозиции, от какой бы стороны Палаты оно ни исходило. *Причина в том, что никто из нас не знает, что делать дальше*». Разве последнее предложение не описывает самым точным образом текущее положение большинства людей, которые сейчас занимаются внешней политикой? И не являются ли главными причинами затруднений недостаток знания, а также, что еще хуже, сознательное нежелание признать неопровержимые, объективные факты и принять выводы, которые из них следуют?

Я глубоко убежден, что ни один современный государственный деятель не способен лучше Ричарда Кобдена указать нашему руководству и общественному мнению тот правильный путь, в котором они сейчас отчаянно нуждаются. Не видя этого пути, они блуждают вслепую и будут дальше так блуждать в сомнении, унынии, нерешительности и пессимизме, — а это губит веру, губит решимость на любые серьезные начинания. Нельзя отрицать, что некоторые мнения Кобдена по вопросам внешней политики и внутренней имперской политики были опровергнуты событиями, которых не предвидели ни его современники, ни он сам. Однако его общая концепция в основном и главном сохраняет убедительность и, как никакая другая, указывает реально возможный, — если не единственный, — способ освобождения из той трясины, в которой наше государственное

* На полях под чертой указано начало страницы по английскому оригиналу. См. Указатель. — *Прим. ред.*

руководство неосмотрительно завязло в начале века и из которой до сих пор не может выбраться.

8

Всего полвека назад лорд Солсбери писал: «Самая распространенная ошибка в политике — держаться за отжившие свое стереотипные схемы. Когда мачта падает за борт, вы же не будете спасать фал и рею только потому, что они вообще могут пригодиться. Вы просто отрубите все, что мешает. Так должно быть и в политике. Но, увы, так почему-то не делают. Мы держимся за клочки старой политики, на которые она давно уже порвалась, и за тень этих клочков, — хотя составлявшее их целое давным-давно распалось. Вот почему мы сейчас оказались в таком тупике».

Именно в таком положении мы сейчас и находимся. В общем и целом мы предпочитаем считать себя заложниками нашего неудачного прошлого. Мы все еще цепляемся за прошлое, тогда как единственная надежда на спасение заключается в том, чтобы отбросить прошлое и начать все заново совершенно по-другому.

Главное достоинство концепции внешней политики Кобдена состоит в том, что она переносит читателя в атмосферу, совершенно отличную от той, в которой Европа жила странной и нездоровой жизнью на протяжении почти целого поколения. Кроме того, эта концепция обладает в высшей степени стимулирующим характером. Все размышления Кобдена о международных отношениях — это вызов. Он нарушает ваш безмятежный покой, заставляет думать, побуждает в одних случаях соглашаться с ним, а в других возражать. Он выходит за рамки традиций и условностей, апеллирует к объективным фактам, отвергает высокопарные претензии авторитетов, подчеркивает значение личной ответственности, личного долга и достоинство личного суждения. Он заставляет вас проверять ваши самые любимые убеждения на предмет их доказательности и обоснованности.

Еще одна немаловажная причина возрождения интереса к Кобдену состоит в следующем. Он, как мало кто из английских политиков, подчеркивал значение совести в национальной политике. Наше время — время тревоги, усталости и апатии; превалирующее настроение можно выразить словами «всем все

безразлично». Для Кобдена в общественной жизни нет ничего безразличного; для него первостепенное значение имеют справедливость, честь, вера, а больше всего — национальная добропорядочность. Ни один государственный деятель не был меньшим оппортунистом, чем Кобден; ни один не был более честен перед собой, более чужд софистике и двусмысленности, более прям и открыт в словах и делах. Каждый человек, знавший его принципы, будь то друг или враг, хорошо представлял, что скажет Кобден по любому общественному вопросу и как поступит. Само изучение личности этого человека и его позиции, столь последовательной, цельной и ясной, — это моральное тонизирующее средство, которого в наши времена много не бывает.

Читатель сможет убедиться в том, что идеи Кобдена я излагаю критично, но беспристрастно и стараюсь примерять их (в тех случаях, когда считаю это возможным) к современной международной обстановке и ее проблемам. Такой подход решительно необходим, поскольку почитатель Кобдена не будет достоин своей задачи, если не выразит открыто те выводы, к которым пришел в своих исследованиях и размышлениях, — как бы эти выводы ни противоречили предвзятым мнениям наших дней.

У.Х.Д.
Хедингтон, Оксфорд,
сентябрь 1926 г.

Политическая деятельность была единственным всепоглощающим интересом его жизни. Но... то, о чем говорил Кобден и чем он занимался, — это не партийные игры, а реальная общественная политика. Политическую деятельность и политическую борьбу он понимал не как маневры членов парламента, а как решение масштабных политических задач.

Lord Morley. *Life of Cobden*, II, 478

Неукротимая любовь к справедливости, целеустремленность, привычка судить о людях беспристрастно и оценивать их благоприятно, отсутствие подозрительности, которая так часто составляет основу нашей общественной жизни, — всеми этими и прочими подобными качествами Кобден был наделен в изобилии.

Гладстон

Свою задачу я вижу отнюдь не в том, чтобы написать очередную биографию Ричарда Кобдена. Здесь вне конкуренции останется книга лорда Морли «Жизнь Кобдена», написанная почти 40 лет назад с исключительным умением, тактом и несомненной симпатией. Яркость и точность представленного в ней портрета этой выдающейся фигуры в политической жизни нашей страны за прошедшие годы нисколько не уменьшились.

Свою цель я вижу в изложении концепции внешней политики, которую предложил Кобден; в частности, я намерен показать, как можно применить вытекающие из нее выводы к позднейшим международным событиям и трудным задачам, которые сегодня стоят перед английским государственным руководством в сфере иностранных дел. Именно эта сторона политического мышления Кобдена позволяет ему занять уникальное место среди государственных деятелей средневикторианской эпохи. Может быть, грядущие поколения его соотечественников, так же, будем надеяться, привыкшие к миру, как собственное поколение Кобдена и наше поколение привыкли к войне, с восхищением и благодарностью будут вспоминать его бескорыстные труды на этом поприще.

Исторический обзор такого рода естественным образом подразумевает сравнения и противопоставления с событиями и тенденциями нашей эпохи; возможно, именно в этом его главная ценность. Если обратиться к нашей собственной стране, то можно со всей определенностью сказать, что в начале этого столетия в нашей системе государственного управления произошел очень серьезный сбой. Действующее правительство с легким сердцем связало страну обязательствами, всей тяжести и неопределенности которых оно, как выяснилось, в то время совершенно не представляло. То же самое произошло в напряженные месяцы 1919 г., когда после опустошительной и изнурительной войны судьбы Европы решались в Париже, — месте, тогда менее всех в мире приспособленном для ведения столь сложных и болезненных переговоров, — переговоров, требовавших спокойного размышления, взвешенных решений и полной свободы от любого внешнего воздействия.

Мне довелось провести несколько недель в этом городе в критический период мирных переговоров; ко мне обращались за консультациями по некоторым территориальным вопросам. Через несколько дней пребывания в этой ядовитой, пропитанной ненавистью атмосфере меня ни на минуту не оставлял неотвязный вопрос: «Почему здесь? Что хорошего может из всего этого выйти?» В запомнившейся мне беседе с президентом Вильсоном он употребил слова «повальное сумасшествие»; они в точности передавали настроение Парижа и Франции тех дней. Возможно, было бы интересно поразмышлять о том, как эта атмосфера действовала на психическое состояние тех, или по крайней мере некоторых из тех, кто обсуждал мирные условия в столь враждебной обстановке. На свою беду мир знает, что итогом стал ряд навязанных мирных соглашений (из всех противников лишь Турция по невероятному стечению обстоятельств отважилась не признать вынесенный ей приговор); каждое из них, каковы бы ни были намерения его авторов, является непосредственным поводом к будущей войне.

То, что совершили и были готовы совершить представители других стран в то время и в том месте, никак не отменяет главного: многие выработанные решения и принятые меры озаменовали опасный и крайне прискорбный отход от лучших

традиций английской внешней политики. Подписью, печатью и авторитетом нашей страны были закреплены территориальные преобразования, которые многое порушили в разных концах мира, но почти ничего не решили окончательно. В результате сейчас, спустя восемь лет после окончания Великой войны, будущее Европы омрачено угрозой еще худшего бедствия.

Нет ни малейшего сомнения в том, что в 1905-м, в 1914-м и особенно в 1919 году государственные деятели Европы, в том числе и наши собственные, сбились с верного пути. Однако куда большего внимания заслуживает тот факт, что неверный курс был избран еще до начала столетия и с каждым днем становился все более ошибочным. Мирные отношения тщетно пытались строить на трухлявых основах противоборствующих союзов, на увеличении армий и флотов, на лицемерных заявлениях милитаристов и ухищрениях тайной дипломатии. А нужно было строить мир на широкой и прочной основе дружелюбия и доверия между нациями.

Нынешнее состояние отношений между европейскими странами можно назвать критическим. В такой ситуации лучшая услуга, которую может оказать общественному мнению специалист по международным отношениям, свободный от угнетающих требований партийной борьбы, такова: он должен привлечь внимание к забытым принципам национального и международного благополучия, которые отстаивал Ричард Кобден. На протяжении почти всей политической карьеры Кобдена все его помыслы и стремления были связаны с одним вопросом: как могут страны Европы объединиться на основе согласия и мира? Ни один англичанин XIX в. не представлял более ясно те основополагающие принципы, которые должны руководить внешней политикой и международными отношениями, чтобы можно было объявить войну вне закона и навсегда избавить человечество от ее проклятия. Поскольку эти принципы пока не получили всеобщего признания, их нужно постоянно повторять и усиливать их звучание до тех пор, пока они не станут естественным убеждением не только наших соотечественников, но и всего человечества. Их победа станет спасением цивилизации, их окончательное поражение станет ее гибелью.

Разумеется, некоторые практические рекомендации Кобдена нужно скорректировать и согласовать с требованиями нашего дня: условия меняются, и возникают новые проблемы, по крайней мере отчасти вызванные невниманием к его мыслям и предупреждениям. Однако сформулированная Кобденом общая концепция внешней политики по-прежнему остается в полной силе.

Чтобы правильно понять концепцию Кобдена и воздать ей должное, нужно иметь адекватное представление об этом человеке и рассмотреть его взгляды в контексте политических событий и движений того времени. Кобден родился в 1804 г. на ферме Данфорд в деревушке Хейшотт близ Мидхерста в графстве Суссекс. Деревушка эта расположена у подножья возвышенности Саут-Даунс; на север простираются зеленые, обширные лесистые холмы, а на юге местность грациозными извилинами спадает к морю. Стоит напомнить, что в год рождения Кобдена Наполеон объявил себя императором, а за следующие три года одержал решительные победы над союзными монархиями Восточной Европы и расчленил Пруссию. Будущий член парламента, выражавший (по крайней мере некоторое время) интересы промышленности и торговли, был истинным сыном земли, поскольку его отец и многие более ранние Кобдены считались йоменами, а их род можно проследить по записям вплоть до XIV в. Видимо, один из далеких предков будущего недруга больших флотов и армий, некто Томас Кобден из Мидхерста, пожертвовал 25 фунтов (очень крупную по тем временам сумму) на отражение испанской Великой армады. Кобден, несомненно, вспомнил о связи своего рода с землей, когда однажды, отдавая должное достоинствам старой английской аристократии, сказал: «Вы джентльмены Англии, высшая аристократия Англии. Ваши отцы вели моих предков; вы можете повести нас вновь, если решите. Вы долго — дольше любой другой аристократии — сохраняли боевой дух, когда мужество и сила проверялись на полях сражений и полях охоты. Вы не повели себя так, как повели себя дворянство Франции и мадридские идалго; вы всегда были англичанами, которым не занимать храбрости в любой ситуации» (13 марта 1845 г.).

В начале прошлого века нищета мрачной пеленой нависла над простым людом Англии. Только владельцы земли и земледельцы-хлеборобы на время избежали общего обнищания; самое тяжкое бремя, как всегда, пришлось на долю «неудачников», рядовых тружеников. С окончанием войн быстро пришло к концу искусственное процветание, которое до той поры поддерживало жизнь прискорбно больного государства; сельское хозяйство тоже переживало печальные времена. Под давлением этих обстоятельств дела Кобденов стали совсем плохи. Глава семейства был человеком в высшей степени порядочным, но ему очень не хватало решительности, здравого смысла и практической сметки. Поскольку он не смог воспользоваться выпавшими на его долю счастливыми возможностями, то и не смог избежать несчастья, когда удача покинула фермеров. Он и так уже испытал больше ударов судьбы, чем выпадает долю среднего человека; но теперь его ожидал полный крах: продажа родовой фермы и потеря всех прав на нее, а также переезд в соседний Хэмпшир.

Вот так и вышло, что Ричард Кобден, четвертый из одиннадцати детей семьи и второй из пяти братьев, уже с ранних лет был вынужден рассчитывать только на себя. После того как он получил пестрое и поверхностное образование, — сначала в начальной сельской школе, а потом одной из печально известных средних школ-интернатов (вдали от дома, в Йоркшире), — он в 15-летнем возрасте был сочтен готовым к самостоятельной жизни и выпущен в открытый мир. Некоторое время Ричард работал клерком на складе у своего дяди в Лондоне, тайком учил французский язык, жадно читал книги и старался покупать их, когда позволяли скудные средства.

Первые честолюбивые планы возникли у Ричарда в 21 год, когда требовательный родственник повысил его до звания коммивояжера их «торгового дома». Одна из поездок привела Ричарда в Ирландию; в письмах домой он подробно рассказывал об ужасных впечатлениях, которые произвели на него нищета, убожество и невежество крестьянства. В эти рассказах Ричард предстает человеком не только исключительно впечатлительным и наблюдательным, но и крайне сострадательным к несчастью ближних. По служебным обязанностям он часто

ездил в Манчестер и в 1828 г. вместе с двумя другими молодыми людьми открыл там собственное дело: занялся продажей набивного ситца местных производителей. Дело оказалось настолько прибыльным, что через три года партнеры сами стали производить ткани; для этого они запустили старую фабрику в деревне Сабден близ Блэкберна в графстве Ланкашир. Манчестер был признанным центром текстильной промышленности, и теперь Кобден по чисто практическим соображениям стал манчестерцем.

Несмотря на то что чрезмерный оптимизм и доверие к людям, приобретенные Кобденом в процессе общественной деятельности, в дальнейшем причиняли ему серьезные потери, можно подумать, что он был рожден для успеха. Тональность высокого энтузиазма, триумфа и превосходства отчетливо заметна в письме, которое Кобден в 1832 г. послал старшему брату Фредерику, своему наперснику, протеже и такому же неудачнику, как их отец. В этом письме он призывает брата действовать с большей энергией и верой в себя: «Я хотел бы передать тебе хотя бы часть того бонапартовского духа, который переполняет меня. Этот дух движет меня вперед в убеждении, что все мешающие мне удары судьбы отступят (нет, просто обязаны будут отступить), если энергично им противодействовать... Я хочу, чтобы ты мог возвышать свой голос, особенно когда ты отстаиваешь свои интересы, и менее всего хотел бы видеть, что ты отступаешь или апатично опускаешь руки, когда правда за тобой и нужно только усилие воли, чтобы добиться полного успеха. Но все это должно исходить изнутри и может быть только плодами значительного укрепления духа»¹.

Безвольный и бездеятельный Фредерик так и плелся в хвосте, а Ричард в 28 лет добился уже такого успеха, что сумел

¹ В своих письмах и сочинениях Кобден проявлял чисто женское пристрастие к подчеркиванию особенно изящных и высокопарных выражений. Приводя цитаты, я обычно (как и в данном случае) позволяю себе игнорировать такой метод выделения. Далее, когда я ради краткости и большей связности опускаю фрагменты текста (разумеется, лишь в тех случаях, когда они несущественны для общего смысла), я отступаю от несколько, на мой взгляд, педантичного правила, требующего обозначать пропуски многоточиями.

купить большой дом в фешенебельном квартале Манчестера за 3 тысячи гиней, хотя специалисты по недвижимости оценивали его вдвое дороже. «Все здесь только и судачат о сделке, — хвастливо писал он брату, — с Джоном Галифаксом, джентльменом, и поскольку есть только один критерий оценки способностей человека — умение делать деньги, — меня уже считают очень сметливым малым».

Вся жизнь Кобдена — непрерывный процесс самообразования, которое имело не просто книжный, а более широкий и глубокий характер. Хотя Кобден был очень занят проблемами, связанными с ведением нового бизнеса, который создавал в Манчестере (1832), вечерами он находил время для самостоятельного изучения латыни и математики. По словам биографа Кобдена, «его скромные познания быстро росли». Сам Кобден в разных местах многократно упоминает о своем интересе к английской литературе (с которой он, однако, был знаком скорее поверхностно, чем глубоко) и о всепоглощающем интересе к истории Нового времени. Впрочем, читал он, вероятно, не столько ради самого процесса чтения или приобретения отвлеченных знаний, сколько ради подготовки к общественной деятельности, и в этом плане любая интеллектуальная информация имела для него практическую пользу. По словам одного друга и политического партнера Кобдена, тот всегда говорил и писал «на наивысшем уровне своих познаний». В речах и писанных текстах Кобден предстает человеком исключительно живого и всегда активного ума, человеком, который блестяще владеет практическими предметами, обладает редкой способностью быстро мобилизовать свои познания, по какому бы вопросу он ни выступал за или против, и сконцентрировать их на слабых местах позиции оппонента.

Многие великие государственные деятели начинали с малого. В первой своей речи Бисмарк, тогда еще мало кому известный депутат ландтага его родной провинции Померания, говорил о «чрезмерном потреблении жира в работных домах». Премьера Кобдена на общественном поприще тоже была скромной и никак не позволяла понять, на какой арене он вскоре появится в роли полемиста, и тем более предположить, что его ожидает европейская известность. Первая общественная инициатива

Кобдена заключалась в улучшении начального образования в его фабричной деревне Сабден. Произошло это в 1836 г., в том возрасте, когда самые знаменитые английские ораторы и государственные деятели уже приобретали известность. Первую сохранившуюся публичную речь Кобден произнес в Манчестере примерно в то же время; она была посвящена вопросу городского самоуправления. Во время выступления Кобден потерял самообладание, и председателю собрания пришлось извиняться за него.

Однако еще до этого он впервые выступил перед широкой публикой как автор брошюры под названием «Англия, Ирландия и Америка»; она была издана анонимно, ибо автором на титуле значился «Манчестерский промышленник». Лондонская «Times» наградила сочинение Кобдена поощрительным комплиментом за то, что в нем изложены «некоторые здравые мнения о подлинной внешней политике Англии, а также справедливые и убедительные размышления о причинах, по которым мы не можем ее исправить». Три издания по вполне приличной цене 3 шиллинга 6 пенсов разошлись одно за другим, а через год вышло пятое, массовое, издание. Если говорить о качестве этой публицистической работы, то ее можно считать замечательным образцом стиля и профессионального мастерства Кобдена: она отличается тщательным и продуманным подбором фактов и свидетельств, заботой о точности и корректности утверждений, готовностью рассматривать спорные вопросы с разных точек зрения, стремлением избегать скучного и тяжелого языка, который часто (и порой вполне заслуженно) обесценивает литературные сочинения, написанные для достижения конкретных целей. В 1835—1862 гг. из-под пера Кобдена вышли в общей сложности шесть значительных работ; главное достоинство большинства из них — независимые оригинальные исследования политической, социальной и коммерческой жизни иностранных государств.

В этот период Кобден был неутомимым путешественником; за границу он ездил иногда по деловым причинам, иногда для поправки здоровья и для развлечения, но преимущественно ради сбора полезной информации. В годы молодости Кобдена «большое путешествие» по-прежнему оставалось

престижным завершением образования для богатых молодых англичан. Недавно в мои руки попало описание такого «большого путешествия», которое в начале прошлого века провело будущего главу одного помещичьего семейства по всем главным столицам Европы. В этом описании масса сплетен и рассуждений о дворцовой и дипломатической жизни, оно довольно живо изображает разных деятелей и их занятия, но почти не помогает читателю представить саму континентальную Европу, ее народы, склад их ума, привычки, образ жизни, — какими они были сто лет назад. Кобден путешествовал в первую очередь для того, чтобы изучать другие страны и лучше знать их; его интересы выходили далеко за пределы дворцовых и салонных нравов и вели к людям, которые выполняли реальную работу в парламентах и министерствах, на фабриках, складах и во многих других сферах практической жизни.

В этих путешествиях Кобден был полной противоположностью обитателя Литтл-Педлингтона, который не мог прожить и неделю вдали от дома, если не возил с собой законсервированную атмосферу привычной ему обстановки. Выбросив из головы привычные денежные единицы, меры веса, размеры и расстояния, Кобден судил об иностранных представлениях, обычаях и институтах по местным же стандартам, тем самым обнаружив редкое владение искусством путешествия. Вот почему он привозил домой богатые трофеи в виде аутентичного знания из первых рук о многих странах и народах, тогда как в то время такие познания редко встречались даже в политических кругах, где требовались в первую очередь. Чтобы получать свежую информацию, он завязывал дружеские отношения с ведущими политиками и лидерами общественного мнения. Кобден принадлежал к поколению, которое привыкло писать длинные письма и вести дневники; записи о его странствиях изобилуют поучительными и пронизательными размышлениями. Всеми сколько-нибудь ценными наблюдениями он рано или поздно делился, когда предоставлялась возможность. Если Улисс был частью всего, что он увидел, то все, что видел, слышал и узнавал за границей Кобден, попадало в его багаж общественного деятеля.

Первую заграничную поездку Кобден совершил во Францию в 1833 г., но не уехал дальше Парижа. На следующий год он посетил Францию и Швейцарию и был приятно удивлен всем, что увидел в Альпийской республике. Еще через год он предпринял более масштабное путешествие и, удовлетворяя свое желание побыть в другой стране подольше, отправился в Соединенные Штаты; там в июне и июле он провел пять недель, — ровно столько, сколько длилось обратное плавание. Это путешествие стало важнейшим рубежом в интеллектуальном развитии Кобдена как исследователя общественной жизни. Оно не только расширило его умственный горизонт до таких пределов, которых вряд ли когда-нибудь могли достигнуть поездки в менее динамичную континентальную Европу. Оно открыло ему глаза не исчерпаемость ресурсов Америки — ее природных богатств и интеллектуального потенциала. Кобден убедился, что главный конкурент, с которым Англии придется соперничать (если не придется опасаться), находится не на другом берегу Ла-Манша или Северного моря, а на другом берегу Атлантики. Задор, жизненная сила и энергия американцев — именно эти качества должны были произвести наибольшее впечатление на Кобдена в то время, когда он сам увлеченно наживал состояние. О неисчерпаемых возможностях страны он с энтузиазмом писал старшему брату, с которым в первую очередь и делился впечатлениями от своих ранних поездок. Это страна, «на чьей земле, как я искренне надеюсь, сбудутся те мечты о человеческом величии или даже совершенстве, которыми я люблю тешить себя». Глядя на запад с последней северной вершины Аллеганских гор, он сделал смелое предсказание: «В один прекрасный день именно здесь будет средоточие сельскохозяйственного и промышленного производства, здесь будет центр цивилизации, богатства и мощи всего мира».

Однако и изъяны американской цивилизации тоже не укрылись от Кобдена; особенно его возмущало рабство. Эту вечную проблему он начал обсуждать, как только ступил на землю Америки. «Здесь [в Огайо], — писал он домой, — я обнаружил, что буквально все считают рабство несмыслаемым пятном позора и проклятием страны. Все согласны, что ни один из тех способов избавления от него, какие были предложены, никуда

не годится». А когда Кобден, побывав в южных штатах, окунувшись в свободную атмосферу Пенсильвании, он со вздохом облегчения сказал: «Слава богу, я больше не в стране рабов!» Впоследствии мы увидим, насколько помогло Кобдену знакомство с проблемой рабства, когда он выступил в поддержку Севера во время Гражданской войны.

Кобден рассказывал, что после выхода первого сочинения издатель сказал ему: «Автору не стоит печататься, если у него нет еще какой-нибудь цели кроме самой публикации». По признанию Кобдена, он действительно имел «другую цель в отдаленной и туманной перспективе». Каковы же были эти пока не вполне ясные замыслы? Как считает биограф Кобдена, он уже подумывал о парламентской карьере. Вполне возможно, что такая мысль действительно приходила ему на ум. Тем не менее, если верить ему самому, членство в Палате общин тогда его не слишком привлекало. На всеобщих выборах в Палату 1837 г. Кобден все же выставил свою кандидатуру от Стокпорта, хотя, насколько можно судить, и победу, и поражение воспринял бы довольно равнодушно. «Эти достойные люди вольны поступать, как им угодно, — писал он тогда, вторя Кориолану. — Их поддержка может сделать меня членом Парламента, но они нисколько не испортят мне настроение, если меня не изберут». Однако позиция Кориолана не приносит победы на выборах, и первоначальная пассивность Кобдена, по крайней мере отчасти, способствовала тому, что в итоге он не прошел, хотя ясно, что на финальной стадии борьбы мобилизовал всю свою энергию.

Как минимум вполне вероятно, что в то время Кобден уже замышлял будущую кампанию против дорогостоящих военных расходов Англии и ее постоянного вмешательства в континентальные дела, которое делало эти расходы необходимыми. В чем состоит главный тезис «Англии, Ирландии и Америки»? В этой работе мы находим первое публичное изложение основополагающего убеждения Кобдена: все реформы и усовершенствования следует начинать с собственной страны, ни одна страна не имеет права вмешиваться в дела соседей, и Англия, в частности, никак не может претендовать на роль вселенского спасителя (что касается последнего, то в те дни убеждение в обратном

было более распространенным и сильным, чем сейчас, — хотя и в наши дни оно близко сердцу каждого истинного британца).

25 Политики и публицисты тех дней активно выступали на стороне Турции против России. Кобден же утверждал, что главного внимания заслуживают не эти две страны, а забытая, нищая, неграмотная Ирландия и великая Республика за океаном, постепенно выходящая на первые роли. Лишь когда Англия перестанет вмешиваться в континентальные дела, тогда и можно будет рассчитывать на безопасность и мир в Европе и, соответственно, уменьшить тяжкое бремя губящих страну расходов на армию и флот.

Второе сочинение появилось летом 1836 г. Оно называлось просто «Россия», и «манчестерский промышленник» вновь предпочел остаться инкогнито для широкой публики. Работа была посвящена вопросу, который Кобден внимательно изучал, но изложить свои мысли на бумаге его побудила развернутая клеветническая кампания, объявившая Россию возмутителем европейского спокойствия. Незадолго до этого стали активно распространяться разнообразные слухи об уже намеченном вторжении России на наши берега (потом такие же страхи возникли насчет французского вторжения). Выступая с речью в Манчестере два года спустя, Кобден так высказался об этой мифической агрессии: «Я, пожалуй, узнаваем в связи с этим вторжением России и многим ему обязан. Ведь именно оно сделало меня писателем, благодаря ему я стал публичным человеком... Они [массовые газеты] уверяли меня тогда, что однажды, ненастным днем, русские придут сюда и высадутся в Ярмуте. Если бы не этот бред, я никогда не взялся бы за перо, не написал бы свои сочинения, а так и остался бы до сего дня расчетливым и усердным производителем ситца».

Идеи и выводы первой брошюры были воспроизведены во второй даже еще более энергично. Теперь Кобден уже открыто критиковал традиционные принципы английской внешней политики. Он утверждал, что настало время пересмотреть международные отношения «в соответствии с теми переменами, которые произошли по всему миру». На свой вопрос: «Может ли система межгосударственных отношений, применявшаяся в Европе сто лет назад, отвечать обстоятельствам текущего

момента?» — Кобден ответил отрицательно. Взяв в качестве примера русско-турецкий вопрос и позицию Англии в этом вопросе, Кобден осмелился отвергнуть внушавшую благоговейный ужас доктрину баланса сил и вновь решительно осудил любое вмешательство в сфере международных отношений.

Эта работа, как и ее предшественница, тут же привлекла большое внимание. Если учесть, что Кобден не имел литературного образования и, насколько известно, прежде никогда не вынашивал честолюбивых литературных планов, эти первые опыты следует считать просто замечательными. Они убедительно доказывают, что для успеха публицист в первую очередь должен иметь четкую идею и решимость изложить ее. Морли называет эти сочинения «важной вехой в истории английской политики». С их появлением Кобден, которому уже незачем было скрываться под покровом анонимности, приобрел репутацию одного из самых убедительных, проницательных и хорошо информированных политических публицистов того времени. За этими работами последовали другие сочинения и публичные письма, хотя Кобден никогда не был, по его собственным словам, «одержим писательством».

К этому времени он ощутил неодолимую потребность заняться активной общественной деятельностью, которая лишает счастья столь многих людей, корыстных и бескорыстных, и приносит полное удовлетворение столь немногим, — быть может, и никому. С каждым годом эта потребность становилась все более насущной и находила живейший отклик; в конце концов политическая деятельность поглотила все внимание Кобдена, став целью и смыслом его жизни. Бескорыстное погружение в национальные проблемы дорого обходилось Кобдену, и в минуты сомнения он задавал себе горький вопрос, стоило ли вообще все это затевать.

Тем временем бизнес Кобдена продолжал процветать; за четыре года успешного производства и столь же успешной торговли его доходы существенно выросли, и он начал подумывать о том времени, когда сможет полностью посвятить свое внимание тем высоким общим интересам, которым он позволил войти в его жизнь. В 1838 г., 34 лет отроду, Ричард написал брату Фредерику, которого опростоволупленно привлек к ведению дел:

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru